

Кузнец своего счастья

Анна БОРЦ

О том, как обыкновенные стальные пруты превращаются в произведение искусства, узнал наш корреспондент, примерив на себя профессию кузнеца.

СУМАСШЕДШАЯ ИДЕЯ

Коллеги и друзья только посмотрели на меня удивленно.

— В кузницу? Ведь ты же девушка... — вздыхала мама.

Все рисовали передо мной киношную картину: обнаженные по пояс здоровые мужики дубасят огромными молотами по раскаленным железкам. В помещении невыносимая жара, чад... Но я старалась выкинуть из головы все эти стереотипы и заранее ничего себе не представлять.

Мастера, с которым я должна была работать, мой звонок не просто удивил — озадачил:

— Корреспондент? Поработать кузнецом? Ничего не понимаю!

Общаться с журналистами мастер Леонид Амелёхин, мягко говоря, не любит. Автор стального Командора, что встречает гостей у ресторана «Веселый Роджер», Джека Воробья, что сидит в «Мечте», с нашим братом встречается редко.

Сначала он воспринял мою просьбу как шутку:

— Ты в своем уме? Откуда взялась такая сумасшедшая идея?

Но я не успокаивалась, ведь это эксперимент — в жизни всегда интересно попробовать что-то новое! И видимо, Леонид тоже любит эксперименты: выслушав мои доводы, он в итоге эту сумасшедшую идею поддержал.

Но перед встречей мастер ещё несколько раз дал мне ценные указания по поводу внешнего вида:

— Сама понимаешь, куда идешь. Поэтому, чтобы не было шпилек и юбок — теплая кофта и штаны. Чем проще, тем лучше.

В МАСТЕРСКОЙ

Да, да, именно мастерская, а не кузница. Так ее назвал Амелёхин, встречая нас на пороге. Первое впечатление — настоящий музей. Здесь есть и собственно мастерская, и комната отдыха, а все остальные небольшие комнаты занимают, как их называет сам Леонид, его соседи — куклы из меди. Это те, которых еще не забрали заказчики, или еще не завершённые.

Сначала знакомлюсь с его работами по фотографиям. Потом, так сказать, вживую. Зрелище завораживает: по углам полутемных комнат, повсюду, сидят необыкновенные куклы, расставлены светильники и кресла. Сверху, с полки, смотрит медная дама размером в человеческий рост,

светильник-скорпион раскидал свои лапы по просторному залу.

Напарник Леонида, Александр, приглашает нас в мастерскую: кузнецкий горн разогрет. Мастер выдает мне специальную экипировку — брезентовый передник до колен и плотные перчатки. Иначе работать нельзя: техника безопасности. И я в полном облачении кузнеца уже смелее захожу в мастерскую. Ни жары, ни чада. Конечно, пахнет металлом и сваркой. Но запах ненавязчивый, и привыкаешь к нему быстро. В горне всюду пышет жаром уголь — донбасский антрацит (как позже заметил Леонид).

Мастер выбрал несколько стальных прутьев.

— Вот, смотри, закладываешь прутья в горн так, чтобы они находились в самом пекле.

Закладываем, ждем. Мне не терпится:

— А как определить, что они уже готовы?

— Сталь должна излучать ярко-оранжевый цвет. Так она нагревается приблизительно до 800 градусов. Именно в таком состоянии ее обрабатывают. Но если она раскалилась до красного цвета, посыпались искры — такой материал не годится, будет ломаться при ковке.

Но в теории эти знания не передаются — только на практике. Поэтому каждую стадию мастер разрешает проделывать мне самостоятельно, но под его личным контролем.

Леонид на минуту отлучается от горна, чтобы познакомить меня с Федей. Так они между собой называют пневматический молот.

— Это вместо тех плечистых молодцов,
— улыбается Леонид.

Федька легко расплющит любую железку, поэтому за ним глаз да глаз. Это я проверила в деле. Вначале Леонид показал, как Федя работает. А потом доверил мне. Молот слушается человека с помощью педали. Чем сильнее нажимаешь ее, тем сильнее он бьет. Под таким молотом прутья меньше, чем за минуту, становились похожими на копыя.

Мастер то и дело покрикивал:

— Тащи, тащи!

Это значит, что определенный участок прута не должен постоянно находиться под молотом. Его надо перемещать и бить только по накалившему металлу, если по холодному — прут начнет в ответ бить по рукам.

После протаскивания, так называется эта процедура, снова отправляем прутья в горн. И через пару минут — вновь на наковальню. Здесь молотком слегка загибаем самый конец. Снова накаляем металл и снова — на наковальню. Загнутым кончиком

цепляемся за специальную форму и загибаем прут. Любые недочеты легко исправляются обыкновенным молотком. В итоге получается красивый виток. Впечатления непередаваемые: сталь в твоих руках становится послушной, не хуже пластилина — лепи, что хочешь, пока не остыла. Но только при такой лепке сила нужна и хорошая сноровка.

СОЙДЁТ!

Пока мои изделия остывают на полу, я рассматриваю мастерскую: два больших сборочных стола, горн и Федя, на стенах кованные изделия и повсюду рабочие инструменты, с помощью которых можно выковать любую деталь.

— Еще ковать будешь? — спросил мастер.

Хоть и работал за меня в основном Федя, руки гудели от усталости.

— А когда заканчивается ваш рабочий день?

— Здесь такого понятия нет, — говорит Леонид.

Амелёхин вообще 10 лет жил в своей мастерской. Ведь идея может возникнуть и ночью. Мастер встает и начинает ее воплощать. А дома что сделаешь?

Ну а если дело не идет — инструмент валится из рук, металл перегревается и прочее — он закрывает мастерскую и уходит домой. Значит, завтра получится.

Леонид хвалить не любит — мельком посмотрел на мои стальные загогулины:

— Сойдёт!

А потом, чтобы этот день запомнился надолго, он мне эти самые загогулины подарил.

В хозяйстве пригодится.

Борщ, Анна. Кузнец своего счастья [Текст] / Анна Борщ // Орловская правда. – 2013. – 30 ноября. – С. 1,3.